

Библейско-богословская коллекция
ПАТРОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Поселянин Е.

СВ. ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ И ЕГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Русская Церковь и русские подвижники XVIII века.
СПб., 1905. С. 24-47

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Е. Поселянинъ.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

и

РУССКІЕ ПОДВИЖНИКИ

18-го ВѢКА.

СЪ ПОРТРЕТАМИ И РИСУНКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание книгопродавца И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, 45.

1905.

Св. Димитрій Ростовскій.

Г Л А В А III.

Архипастыри стараго типа.—Іовъ новгородскій.—Св. Митрофанъ воронежскій.—
Св. Дмитрій ростовскій и его просвѣтительная дѣятельность.

Мы видѣли, какъ много пришлось пострадать въ это время громаднаго вліянія иноземцевъ такому истово православному, хотя и просвѣщенному, человѣку, какимъ былъ Стефанъ Яворскій.

Счастливыѣ его были архіереи, сохранившіе въ себѣ все лучшее содержаніе московской Руси, но поставленные далеко отъ столицы съ ея рѣзко выраженными вѣяніями дня, съ ея интригами, чуждые участія въ высшемъ церковномъ управленіи и поглощенные дѣломъ пастырства, въ предѣлахъ лишь

своихъ епархій. Такими святителями были Іовъ новгородскій, Митрофанъ воронежскій, Димитрій ростовскій. Двухъ послѣднихъ считаютъ часто епископами новаго типа, но, кажется, что разумное сочувствіе одного разумнымъ мѣрамъ Петра, просвѣщенность и любовь къ просвѣщенію другого, ничуть не ставятъ ихъ врозь съ лучшими представителями іерархіи московскаго періода русской исторіи. Развѣ Кипріанъ, Фотій, Алексій, Макарій московскіе, развѣ Гурій и Варсонофій казанскіе, развѣ Стефанъ пермскій не сѣяли усердною и настойчивою рукой просвѣщеніе, развѣ Петръ и Филиппъ и Гермогенъ не были государственными дѣятелями въ самомъ прямомъ значеніи этого слова?

Если мы называемъ трехъ этихъ святителей представителями стараго типа іерархіи, мы хотимъ указать на глубокую вѣрность всѣхъ трехъ церковнымъ и народнымъ преданіямъ, на ихъ органическую преданность православію, на наполнявшую ихъ жизнь и превыше всего въ нихъ стоявшую заботу о Церкви. Наконецъ, на ихъ горячее стремленіе къ правдѣ, къ правдолюбію и къ праведности. Не такого склада, не такого направленія чувствъ и мыслей были архіереи, полные заботы о себѣ, занятые происками въ это бурное и смутное время, больше мнившіе о личныхъ выгодахъ, чѣмъ о достоинствѣ Церкви, и весьма равнодушные и къ судьбѣ паствы и къ дѣлу личнаго нравственнаго самоусовершенствованія, каковы были Теофанъ Прокоповичъ, Θεодосій Яновскій, Георгій Дашковъ, съ которыми мы познакомимся въ слѣдующихъ главахъ.

Постриженникъ Сергіевой Лавры и архимандритъ ея, а съ 1697 года архіепископъ новгородскій, Іовъ завелъ у себя въ епархіи училища для образованія достойныхъ священниковъ, пригласивъ для этого къ себѣ извѣстныхъ ученыхъ, грековъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ. Іовъ выстроилъ у своего архіерейскаго дома обширное двухъэтажное зданіе, до нашего времени носящее имя „Лихудіевскаго училища“. Въ шесть лѣтъ они основательно образовали своихъ учениковъ, а чрезъ этихъ самыхъ учениковъ митрополитъ завелъ потомъ

до 14 русскихъ школъ по уѣзднымъ городамъ и значительнымъ монастырямъ своей обширной епархіи.

Лихуды трудились такъ же въ переводѣ на русскій языкъ латинскихъ и греческихъ книгъ; въ помощь имъ попечительный Іовъ вызвалъ изъ Москвы ихъ учениковъ, между которыми былъ извѣстный Каріонъ Истоминонъ, и составилъ при своемъ домѣ общество переводчиковъ. Изъ написанныхъ въ Новгородѣ Лихудами сочиненій извѣстно, между прочимъ, *обличеніе противъ Лютера и Кальвина*, особенно благовременное по тогдашнимъ обстоятельствамъ.

Извѣстенъ Іовъ и благотворительностью. Онъ устроилъ въ Новгородѣ три больницы, страннопріимницу и домъ для незаконнорожденныхъ и подкидышей близъ Новгорода, въ Колмовѣ—упраздненномъ монастырѣ, приписанномъ къ владычному дому. Іовъ, поселяясь тутъ лѣтомъ, самъ наблюдалъ за своими „найденышами“. Царь, узнавъ объ этомъ чловѣколюбіи Іова, повелѣлъ приписать къ его дому разныя вотчины и въ 1715 году повелѣлъ у церквей при оградахъ сдѣлать госпитали „по примѣру учрежденныхъ въ Новгородѣ Іовомъ митрополитомъ“. Въ лѣтахъ глубокой старости онъ просилъ царя отпустить его на покой или къ Троицѣ, гдѣ онъ постригался, или въ Колмовѣ, къ его безроднымъ дѣтямъ. Но царь не отпустилъ его. Митрополитъ Іовъ скончался 3 февраля 1716 года.

Святитель Митрофанъ, когда-то вдовый священникъ, уже не молодымъ былъ избранъ первымъ епископомъ Воронежской епархіи, гдѣ предстояла ему борьба съ расколомъ. Находясь въ Москвѣ для хиротоніи, онъ могъ убѣдиться въ ожесточеніи раскола, такъ какъ присутствовалъ при буйствѣ Никиты Пустосвята съ его приверженцами въ Грановитой палатѣ, когда Никита вырвалъ бороду вступившему съ нимъ въ пререканія о вѣрѣ епископу холмогорскому Аѳанасію.

Св. Митрофанъ показалъ себя искреннимъ радѣтелемъ о благѣ Россіи. Готовясь къ войнѣ съ Турціей, Петръ строилъ на Воронежской верфи корабли. И молитвою, и словомъ увѣщанія святитель Митрофанъ старался помочь Царю.

Въ проповѣдяхъ онъ объяснялъ народу, какъ нужны для войны корабли и какъ нужна сама война для освобожденія отъ ига магометанъ множества православныхъ. Когда случилась недостача денегъ на постройку, святитель собралъ всѣ оставшіяся у него деньги и принесъ ихъ Петру, говоря, что всякій сынъ отечества долженъ помогать государству въ его нуждахъ. Петръ съ благодарностью принялъ приношеніе святителя, видя въ немъ залогъ для успѣха дѣла. Еще нѣсколько разъ св. Митрофанъ приходилъ на помощь Петру. Когда по случаю шведской войны казна была совсѣмъ истощена, онъ послалъ отъ себя 4,000 рублей на остановившуюся постройку кораблей, а въ слѣдующемъ году—3,000 рублей на жалованье солдатамъ.

Это сочувствіе святителя полезнымъ реформамъ Петра, это пониманіе и поддержка добрыхъ его начинаній привязали Царя къ святителю. Святитель же, любя Царя, всегда говорилъ ему правду и обличалъ, если замѣчалъ въ немъ что нибудь несоотвѣтственное со званіемъ христіанина. Нельзя забыть той ревности христіанской, съ какою св. Митрофанъ требовалъ отъ Петра снять съ его воронежскаго дома помѣщенныя тамъ изображенія языческихъ боговъ, и отказался идти къ Царю, пока эти изображенія не будутъ сняты. Самовластный Петръ пришелъ въ ярость и угрожалъ святителю казнью. Святитель настаивалъ: „Лучше умереть, чѣмъ присутствіемъ своимъ или боязливымъ молчаніемъ одобрять язычество. Неприлично Государю православному ставить болваны языческіе и тѣмъ соблазнять простыя сердца народа“. Святитель сталъ готовиться къ смерти и распорядился, чтобъ благовѣстили въ большой колоколъ ко всенощной. Государь послалъ къ архіерею спросить, отчего благовѣстять. Онъ отвѣтилъ, что собирается напутствоваться къ смерти. Поразила царя эта ревность святителя, онъ послалъ успокоить его и велѣлъ снять статуи. Такъ совершилъ святитель Митрофанъ исповѣдническій подвигъ, не задумавшись подвергнуться смерти за то, въ чемъ видѣлъ свой долгъ.

Самъ готовый къ смерти, святитель молитвою своею

старался облегчать загробную участь павшихъ за Россію бойцовъ. Въ его синодикѣ поминаются воины изъ полка боярина Шеина, скончавшіеся на пути къ Азову и убитые подъ Азовымъ, и воины изъ полка боярина Шереметева, убіенные въ сраженіи и умершіе въ плѣну.

Въ домѣ святителя находили пристанище и покой бѣдные, вдовы и сирые. Простой въ обхожденіи, онъ былъ доступенъ для всѣхъ.

Послѣ двадцатилѣтняго управленія паствою, святитель почилъ 23 ноября 1703 года. Въ тотъ самый день прибылъ въ Воронежъ Царь. По обычаю онъ отправился навѣстить святителя, но засталъ его при послѣднемъ издыханіи. Онъ поцѣловалъ его хладѣющую руку, остался ждать кончины и самъ закрылъ праведнику глаза. При торжественномъ погребеніи святителя, когда священники собрались поднять гробъ его, Государь, обратясь къ старшимъ чинамъ флота, сказалъ: „Намъ стыдно будетъ, если мы не засвидѣтельствуемъ нашей признательности сему добродѣтельному пастырю. Мы сами вынесемъ его тѣло“. И государь донесъ до усыпальницы гробъ съ помощью старшихъ чиновъ. — „Не осталось у меня такого святого старца, буди ему вѣчная память“, — сказалъ Царь.

Есть трогательный разсказъ, свидѣтельствующій о духовной связи между святителемъ Митрофаномъ и чтившимъ его Петромъ. Разсказъ этотъ переданъ намъ однимъ почтеннымъ лицомъ, весьма достовѣрнымъ. Какъ-то въ Петропавловскомъ соборѣ онъ встрѣтилъ человѣка-простолюдина, усердно молившагося предъ гробницею Петра Великаго. — Что ты такъ усердно молишься о немъ? — спросилъ этотъ господинъ: — вѣроятно, считаешь память великаго Царя? — Мнѣ велѣлъ молиться за него, — былъ отвѣтъ, — святитель Митрофанъ. — Какъ такъ? — А вотъ что со мною было. Я усердствовалъ въ памяти святителя Митрофана Воронежскаго и часто призывалъ его въ молитвѣ. Однажды во снѣ я видѣлъ святителя, который сказалъ мнѣ: „Если хочешь быть мнѣ угоднымъ, молись о упокоеніи души императора Петра Великаго!“

Такъ праведники благодѣтельствуютъ и за гробомъ душамъ людей, которые любили и чтили ихъ.

При Петрѣ Великомъ, находившемъ мало сочувствія въ сѣверо-русскомъ духовенствѣ, архіереевъ на видныя кафедры стали назначать большею частью изъ южно-русскихъ монаховъ, которые были образованнѣе, живѣе и привычнѣе къ западу.

Мы видѣли назначеніе южанина Стефана Яворскаго на кафедру Рязанскую.... Таковы же были назначенія Θεодосія Яновскаго и Θεофана Прокоповича на кафедры Новгородскую и Псковскую, а святителя Димитрія на кафедру митрополій Сибирской и Ростовской.

Святитель Димитрій является однимъ изъ отраднѣйшихъ лицъ нашей церковной исторіи. Онъ блестяще сочеталъ любовь къ просвѣщенію съ личною праведностью, ревностное устное проповѣдничество съ обширнѣйшею, неутомимою литературною дѣятельностью.

Великій святитель Димитрій родился въ 1651 году въ городѣ Макаровѣ, неподалеку отъ Кіева, у малороссійскаго сотника Саввы Тупталы и наречень Даніиломъ. Воспитанъ онъ былъ родителями въ страхъ Божию, а образованіе получилъ въ только что открытыхъ при Кіево-Могилянской академіи Іоанникиемъ Голятовскимъ классахъ.

Небесный дѣятель и борецъ за православіе, Голятовскій, учитель риторики въ Кіевской академіи, былъ одинъ изъ ученѣйшихъ людей и знаменитѣйшихъ состязательныхъ богослововъ своего времени. Съ неослабѣвающею ревностью онъ своими сочиненіями боролся со всѣми толками, враждебными православію. Іезуитамъ не приходилось еще встрѣчать между православными такого сильнаго и непобѣдимаго противника. Его несокрушимое, убѣжденное слово изумляло не однихъ іезуитовъ, но и униатовъ, евреевъ, магометанъ.

Полный жажды знанія, юный Даніиль быстро дошелъ до классовъ краснорѣчія и поэзіи, гдѣ открылась ему та сила слова, которой онъ впослѣдствіи такъ много и плодотворно послужилъ. Подъ руководствомъ великаго полемиста

Голятовскаго, онъ усвоилъ себѣ тѣ приемы и обороты рѣчи, которые въ поученіяхъ и бесѣдахъ его невольно поражаютъ всякаго читателя. Здѣсь выработалъ онъ въ себѣ ту энергію и убѣжденность, которыя проявились впоследствии въ его борьбѣ съ расколомъ.

Душа Данила не тяготѣла къ міру, и, испросивъ разрѣшенія родителей, 17-ти лѣтній Туптало 9 іюля 1668 г. принялъ иночество съ именемъ Дмитрія.

Первые годы иночества онъ посвятилъ высокому аскетизму. Уединеніе и богомысліе, кротость, смиреніе и послушаніе: все въ немъ изумляло даже опытныхъ старцевъ. Просвѣщенный и ревностный блюститель Черниговской митрополіи, архіепископъ Лазарь Барановичъ, вызвалъ его послѣ 6—7-лѣтняго пребыванія его въ Кіевскомъ монастырѣ въ Черниговъ, поставилъ іеромонахомъ и назначилъ проповѣдникомъ. Здѣсь способности его проявились столь блестяще, что слухъ о немъ прошелъ по всей южной Руси, Польшѣ и Литвѣ. Братія Слуцкаго монастыря упросила его пріѣхать къ нимъ и онъ цѣлый годъ проповѣдывалъ тамъ слово Божіе. Многіе монастыри усердно звали Дмитрія въ настоятели, но онъ, вернувшись въ Малороссію и весьма радушно принятый гетманомъ, не пожелалъ начальствовать и удалился въ Батуриискій монастырь, гдѣ предался усиленнымъ подвигамъ духовнымъ, посту, молитвѣ, изученію Писанія и проповѣдничеству. Одинъ кіевскій монастырь умолялъ Дмитрія принять настоятельство; къ тому же понуждалъ его и гетманъ, но онъ рѣшительно отказался, и лишь послѣ долгихъ колебаній принялъ игуменство въ Максаковской Преображенской обители, которая полюбилась ему, какъ удобная для отшельничества по своей уединенности. Вскорѣ его перевели въ Батуринъ игуменомъ же, но онъ сложилъ съ себя это званіе и возобновилъ свою аскетически-созерцательную жизнь. Приблизилось время, когда Богъ благоволилъ возложить на него исполненіе величайшаго, быть можетъ, дѣла всей жизни Дмитрія, подвига, которымъ въ роды родовъ, пока стоитъ на Руси православіе, будетъ славно имя Дмитрія.

Въ 1684 году архимандритъ Кіево-Печерскій Варлаамъ Ясинскій вызвалъ Димитрія въ лавру, и предложилъ ему собрать и исправить житія святыхъ. Не безъ страха приступилъ Димитрій къ этому дѣлу. Попытки предшественниковъ были неудачны. Предстояло начинать все сначала. Онъ обложился бездною книгъ. Надо было свѣрять и согласовать свѣдѣнія, содержащіяся у писателей западной и восточной Церкви, у греческихъ историковъ и въ жизнеописаніяхъ, собранныхъ московскимъ (время Грознаго) митрополитомъ Макаріемъ подъ именемъ Великихъ Четы-Миней. Послѣ чрезвычайно напряженной работы Димитрія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ 1689 г. въ печерской типографіи напечатана первая четверть Четы-Миней: мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь.

Проведя два мѣсяца въ Москвѣ, гдѣ книга его была представлена ко Двору, св. Димитрій вернулся въ Малороссію и, заключившись въ Батуриномъ монастырѣ, отказавшись отъ настоятельства, весь ушелъ въ работу надъ второю четвертью Четы-Миней, законченной въ 1693 году. Третью четверть онъ закончилъ, будучи настоятелемъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря, предъ назначеніемъ на митрополию. Уже въ Ростовѣ въ 1705 г. онъ завершилъ четвертую часть. Такимъ образомъ Четы-Миней святителя Димитрія представляютъ плодъ почти двадцатилѣтняго напряженнаго труда. Мы не будемъ говорить о томъ, сколько вложено въ нее работы, — скажемъ только о значеніи ея.

Современники съ любовью слѣдили за трудомъ Димитрія. Патріархъ Адріанъ, кромѣ сочувственныхъ писемъ самому Димитрію, писалъ преемнику Лазаря, архіепископу Іоанну Максимовичу (св. Димитрій былъ тогда архимандритомъ Елецкаго Черниговскаго монастыря): „Извѣстихомся, яко близъ тебе нынѣ пречестный архимандритъ Димитрій въ церковномъ общепользномъ книжномъ словодѣліи житія святыхъ пиша труждается. Просимъ твою любовь: въ потребахъ спомошествоуй ему трудами о Господѣ и любовь сотвориай во благодушество и въ пользу Церкви“.

Въ 1700 г. (появленіе третьей части) встрѣчается извѣ-

стіе: „Року 1700 въ мѣсяцѣ генварѣ третья книга житій святыхъ, трудами богодухновеннаго мужа іеромонаха Димитріа Савича Тупталенка составленная, на свѣтъ вышла, и любопытствующихъ челоувѣкъ книжныхъ духовною радостью сердца наполнишася“.

Современники знали, чему радовались и завѣщали потомкамъ горячую любовь къ этому творенію св. Димитріа.

Трудно назвать, послѣ Евангелія, другую книгу, которая имѣла бы такое вліяніе на вѣрующее русское общество. Житія святыхъ въ довольно доступномъ изданіи представляли собою для этого общества неистощимое сокровище нравственнаго назиданія, живую, убѣдительную, яркую школу того, чего искать въ жизни, какъ строить земную жизнь.

Прибавьте къ содержанію изумительное выполненіе, ту святость, которая запечатлѣла священные рассказы, то высокое одушевленіе, которое проникаетъ книгу отъ первой страницы до послѣдней и дало современникамъ справедливый поводъ назвать Димитріа „Боговдохновеннымъ“ — и вы поймете, почему эта книга никогда не устарѣетъ и всегда будетъ полна для вѣрующаго читателя свѣжаго обаянія. Недаромъ сохранились преданія, что само Небо помогало Димитрію въ его трудѣ. Такъ, когда однажды онъ недоумѣвалъ объ одномъ мученикѣ, куда отнести его, этотъ мученикъ самъ явился во снѣ св. Димитрію и разъяснилъ ему то, что было ему не ясно.

Картинное, художественное изложеніе Четьи-Минеи показываетъ въ авторѣ великаго мастера слова; но, кромѣ художника, тамъ чувствуется расширяемая стремленіемъ къ совершенству душа, путемъ примѣровъ святыхъ желающая увлечь къ этому совершенству читателя.

Въ послѣдніе годы свои Пушкинъ говорилъ, что Четьи-Миней св. Димитріа представляетъ собою неистощимую сокровищницу для вдохновеннаго художника. Это книга вѣчно живая, безсмертная.

Въ 1700 году Петръ поручилъ Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, по мысли котораго св. Димитрій пред-

принялъ трудъ Четьи-Минеи, поискать лицо „доброе и ученое, и благодѣтельное житія, которому бы въ Tobольску быть митрополитомъ, имѣлъ бы Божією милостію исподоволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣ идолослуженія и другихъ невѣжествіяхъ закоснѣлыхъ человѣкъ приводить въ сознаніе и служеніе, и поклоненіе истиннаго Бога“. Былъ избранъ Димитрій и посвященъ въ Сибирскіе митрополиты. Димитрій съ отчаянія заболѣлъ: климатъ Сибири былъ совершенно невыносимъ для его слабаго здоровья, и трудъ Четьи-Минеи могъ бы остаться тамъ недоконченнымъ. Посѣтивъ въ Москвѣ больного, царь дозволилъ ему оставаться въ Москвѣ для проповѣди, а въ 1702 году, не побывавъ въ Сибири, онъ переведенъ былъ на кафедру Ростовскую.

Епархія эта находилась въ печальномъ положеніи, въ какомъ была большая часть великорусскихъ епархій того времени, которыя Петръ надѣялся усовершенствовать чрезъ образованныхъ архіереевъ. Духовенство въ глубокомъ невѣжествѣ своемъ не могло учить народъ, который легко совращался въ расколъ. Тягостно было видѣть невѣжественное духовенство просвѣщенному пришельцу Южной Руси. Со свойственной ему силой и картинностью въ одной изъ проповѣдей своихъ святитель рисуетъ положеніе дѣлъ: „Окаянное наше время, въ которое такъ пренебрежено сѣяніе слова Божія и не знаю, кого прежде надобно винить: сѣятелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ. Іереи небрегутъ, а люди заблуждаются. Іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ. Іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо: іереи глупы, а люди неразумны. Іерейскія жены и дѣти многія никогда не причащаются. Іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста. Мы ихъ спрашиваемъ, давно ли причащались, а они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О, окаянные іереи, нерадящіе о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о св. Церкви люди, домашнихъ своихъ къ святому причащенію не приводящіе?“

Остановимся подробнѣе на дѣятельности святителя въ Ростовѣ, знакомясь съ которой, мы познакомимся съ колоритными чертами той эпохи.

1 марта 1702 года святитель прибылъ къ Ростову въ сопровожденіи любимой келейной его иконы Богоматери Ватопедской. Паства встрѣтила его тоже съ иконою Богоматери. Святитель прежде всего посѣтилъ Спасо-Яковлевскій монастырь. Тамъ, въ храмѣ Зачатія св. Анны, онъ указалъ будущее мѣсто своего погребенія. Въ каедральномъ Успенскомъ соборѣ онъ произнесъ привѣтственное слово паствѣ. Онъ говорилъ: „пріидохъ къ вамъ, не да послужите ми, но да послужу вамъ, пріидохъ не себѣ угождати, но вразумляти безчинныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя, добрыя любити, злыя съ милваніемъ наказывати, о всѣхъ пользѣ пещися, всѣмъ спасенія тщательно искати, о всѣхъ молитися“.

И, надо сказать, это „служеніе“ было весьма тяжкое. И паства и духовенство стояли на степени развитія, которая намъ теперъ покажется прямо невѣроятной. Мы видѣли отзывы святителя. Приведемъ мнѣніе незаинтересованнаго лица, знаменитаго Посошкова. „Кои пресвитеры и во градѣ живутъ, и тѣ не весьма знаютъ, въ чемъ грѣхъ и въ чемъ спасеніе, и того ради прихожанъ своихъ къ покаянію не принуждаютъ“. Посошковъ говоритъ, что не духовныя стремленія наполняютъ жизнь священника, а хозяйственныя заботы. Св. Димитрій тоже разсуждаетъ: „что ты приведе въ чинъ священнической? Тоже, дабы спасти себе и инѣхъ? Никакоже. Но чтобъ прекормити жену, и дѣти, и домашнія. *Поискалъ Иисуса, не для Иисуса, а для хлѣба куса*“.

Но хороша была и паства! И Посошковъ, и св. Димитрій приводятъ случаи ужасающіе, не бывшіе, къ сожалѣнію, рѣдкими: „Я истинно таковыхъ стариковъ и при Москвѣ видалъ, что лѣтъ подь 60 и больше житія своего имѣютъ, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали не ради раскольничества, а ради непонужденія пресвитерскаго“ (Посошковъ). И святитель говоритъ: „Иные уже 10 лѣтъ, иные 20 не причащаются. *А иные во всю жизнь свою не*

знають, что то есть причастится Божественныхъ Таинъ!! Развѣ когда младенецъ былъ крещенъ, тогда и причащенъ“.

Конечно, глубокое невѣжество духовенства было причиною такого положенія дѣла въ народѣ. Вѣдь народъ этотъ былъ по своему набоженъ, жаждалъ впечатлѣній духовныхъ. Но никто не объяснялъ ему, въ чемъ сущность вѣры. Никто, напримѣръ, не сказалъ, что значить для души и для спасенія святое причащеніе. И Посошковъ выразительно объясняетъ о священникахъ: „ни сами разумѣютъ, ни насъ учаты!“

Нравы народные были темны: бѣдность, суевѣрія, необузданность. Раздоры крестьянъ разныхъ владѣльцевъ были постояннымъ явленіемъ, и дрались шибко. Напримѣръ, въ Ростовской области крестьяне стольника Бутурлина чистили покосы. Какъ снѣгъ на голову являются крестьяне Дашкова „великимъ собраніемъ съ дубьемъ и съ бердышами, и тѣхъ Бутурлина крестьянъ съ товарищи убили замертво, ограбили кафтаны и шапки, и рукавицы и топоры, и съ воротовъ кресты, и мошны съ деньгами обрали, и впредь они, крестьяне, похваляются на крестьянъ такимъ же убивствомъ“!

Вотъ выразительный примѣръ неладовъ попа съ приходомъ. Священникъ г. Углича бьетъ челомъ: „Прихожане дедя церкви, а его, попа, дѣти духовныя, упиваются до пьяна, въ церкви Божіи не входятъ, и ему, попу, ни въ чемъ не послушны. И поносятъ его, попа, небылыми словами за то, что онъ, попь, ихъ, прихоцкихъ людей, противъ-де правила святыхъ отецъ учить, не святить колодезя“. А прихожане показываютъ, что попь не ходитъ къ нимъ на домъ, не даетъ креста, дерется, снимаючи съ себя ризы, кулакомъ ушибъ прихожанина.

Чего епархіальное начальство могло ожидать отъ духовенства, видно изъ наказа святителя одному іеромонаху, которому разрѣшено въ міру править требы, „во пиршествахъ не упиватися ему до пьянства, и въ корчмы не входить, кощунство и смѣхотворенія не дѣяти, ниже пѣнія срамословныхъ пѣсенъ или ниже яковыхъ слушати, или смотрѣти“.

Выше было уже показано, какъ тяжело было экономическое положеніе народа и духовенства, и все это еще болѣе смущало общій темный фонъ тогдашней епархіальной жизни. Вотъ, въ такой-то средѣ пришлось дѣйствовать св. Димитрію.

Онъ принялся дѣйствовать мягкими мѣрами: посланіями, проповѣдями, школами для дѣтей духовенства.

Посланія святителя къ духовенству даютъ богатый бытовой матеріаль. Вотъ, напримѣръ, одно изъ ужасныхъ явленій того времени, описанное святителемъ: „Нѣкіе злонравные іереи грѣхи дѣтей своихъ духовныхъ изъявляютъ, обличаютъ и, егда бываютъ пьяны, съ укоризною поносятъ“. Тутъ же святитель говоритъ о тайнѣ исповѣди, прибѣгая къ художественному сравненію: „Грѣхи—камни, насъ отягощающіе. Милосердіе Божіе—море. Какъ камни, въ море вверженные, никому уже не вѣдомы, такъ должно быть и съ грѣхами, ввергаемыми исповѣдью въ море милосердія. Іерею, повѣдавшему тайну исповѣди, не уйти вѣчныхъ адскихъ мукъ“.

Вотъ, другой недостатокъ: „Іереи лѣнятся ходить къ больнымъ, еже исповѣдати и причастити ихъ, а наипаче къ людямъ убогимъ и нищимъ не хотятъ ходить, и много не радѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причастія Божественныхъ тайнъ умираютъ“. Святитель напоминаетъ, что Христосъ равно истязетъ отъ іерея — о нищемъ, якоже о богатомъ.

Интересно распоряженіе святителя о храненіи запасныхъ Даровъ не на дому у священника между клопами, тараканами и сверчками, а въ церкви, или въ особой клѣтѣ, въ сосудѣ.

Возставалъ онъ противъ вообще небреженія священниковъ въ службѣ.

Одинъ священникъ служилъ литургію безъ служебника и безъ молитвъ, дѣлая лишь возгласы. Когда его спросили, почему онъ такъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что уже прочелъ служебныя молитвы дома! Иногда священники служили, не протрезвившись, сквернословили въ алтаряхъ, грубо брани-

лись. Святитель заповѣдуетъ читать молитвы съ умиленіемъ, говоря, что молитвы „безъ вниманія и умиленія есть кадила-ница, бряцающая безъ огня и кадила“.

Посланіе святителя кончается такъ: „Аще призрите и отвержете мои слова, страшный судъ Божій и казнь вѣчную пріимете. Азъ же чистъ буду отъ гибели вашей, отъ нея же да избавитъ насъ Христосъ Богъ нашъ“.

Лучшимъ способомъ для улучшенія духовенства было подготовленіе образованныхъ дѣятелей, и для этого св. Димитрій завелъ у себя учебное заведеніе, семинарію общесловнаго состава. Она составляла предметъ неусыпныхъ его заботъ. Интересенъ порядокъ жизни семинаристовъ, заимствованный изъ тогдашнихъ латино-іезуитскихъ заведеній. Дурные ученики сидѣли сзади. Лучшій назывался императоръ и сидѣлъ впереди на особомъ мѣстѣ, которое всякій новый императоръ занималъ съ особымъ церемоніаломъ. Рядомъ съ императоромъ сидѣлъ первый сенаторъ. Все это развлекало учащихся въ ихъ жизни, которую и безъ того нельзя назвать скучною. Они гуляли въ полѣ, катались въ лодкахъ по озеру Неро, посѣщали митрополита въ его селахъ. По праздникамъ они произносили рѣчи, рассказывали театральныя пьесы и діалоги. Кормили ихъ сытно, лѣтомъ давали вишни, яблоки, груши. Обращеніе учителей было мягкое и преслѣдовалась не столько неуспѣшность, сколько лѣнь и дурное поведеніе. Малоспособнымъ учителя совѣтовали просить помощи у святыхъ.

Вообще бытъ школы имѣлъ характеръ семейный, благодаря отношенію къ воспитанникамъ святителя. Часто онъ посѣщалъ ихъ, присутствовалъ на урокахъ. Отобравъ способнѣйшихъ, обучалъ ихъ: зимою толковалъ имъ Ветхій Завѣтъ; лѣтомъ на своей дачѣ въ Демьянахъ — Новый. При богослуженіи митрополичьемъ они пѣли, сопровождая иногда даже его для этого въ другія мѣста. Святитель самъ исповѣдовалъ ихъ и пріобщалъ, обѣщалъ молиться за нихъ, если по смерти получить милость у Бога, увѣщевалъ ихъ учиться, раздавалъ имъ деньги, бралъ прилежнѣйшихъ на лѣтнія ва-

каці къ себѣ на дачу. И уже отучившихся учениковъ онъ не оставлялъ своимъ попеченіемъ. Если древне-русская школа грамотности, давая ученикамъ православное настроеніе, обучала лишь чтенію, письму и пѣнію: то Ростовская школа святителя Димитрія была шагомъ впередъ, давая изученіе греческаго и латинскаго языка, на которомъ писалась вся тогдашняя наука. Простота, семейное начало при твердости режима составляли достоинство ея. Конечно, это благое дѣло должно было дать богатые плоды. Но она существовала недолго.

Странна была церковная политика Петра. Съ одной стороны, онъ требовалъ распространенія просвѣщенія, съ другой, отнял у духовенства всякую возможность матеріальную къ распространенію его. Мы видѣли, какъ дорога была св. Димитрію его школа. Кажется, онъ и его дѣятельность заслуживали, по меньшей мѣрѣ, уваженія. И что же вышло? Ему пришлось закрыть школу по крайней скудости, при введенныхъ Петромъ порядкахъ, когда-то богатѣйшей Ростовской каедрѣ. Сохранилось письмо объ этомъ печальнѣйшемъ обстоятельствѣ св. Димитрія къ упомянутому выше Іову Новгородскому: „Я, грѣшный, пришедши на престоль Ростовской паствы, завель-было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше, и уже начали было грамматику разумѣть недурно. Но попущеніемъ Божиимъ скудость архіерейскаго дома положила препятствіе. Питающій насъ вознегодоваль, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться“.

Такъ завершилось это славное дѣло святителя, и конецъ этотъ, несомнѣнно, составляетъ одно изъ позорнѣйшихъ пятенъ той эпохи.

Много силъ положилъ святитель и на борьбу съ расколомъ. Въ Ростовскомъ краѣ было много раскольниковъ. Черезъ потаенныхъ проповѣдниковъ, рассылаемыхъ изъ гнѣзда раскола, брынскихъ лѣсовъ, они широко раскинули свои сѣти. Святитель часто объѣзжалъ епархіи, и подолгу живаль

въ Ярославлѣ, гдѣ они были особенно сильны, чтобъ обличать ихъ. Разъ при выходѣ его изъ храма незнакомые ему почитатели бороды спросили его:

— Намъ велятъ брить бороды. А мы готовы и головы свои положить за бороду. Какъ повелишь намъ, владыко?

Святитель нашелся отвѣтить и вѣрно, и остроумно. Онъ спросилъ въ свою очередь:

— Какъ вы думаете, отрастетъ ли голова, если у васъ ее снимутъ?

— Нѣтъ.

— А брада?

— Брада отрастетъ.

— Пусть же вамъ отрѣжутъ голову, дождетесь другой.

Святитель узналъ затѣмъ, что въ Ростовской епархіи многіе сомнѣваются въ своемъ спасеніи изъ-за того, что обрили себѣ бороды по указу царскому. И онъ написалъ, а въ 1705 году разослалъ по епархіи сочиненіе „О образѣ Божіи и подобіи въ человѣкѣ“. Затѣмъ, появилось обширное его изслѣдованіе „Розыскъ о брынской вѣрѣ“, обнаруживающій самый духъ раскола и недостатковъ въ немъ евангельскаго смысла и любви. Ненависть къ личности святителя, которую возбудила эта книга, лучше всего доказываетъ, какъ мѣтко поразила она расколь.

Въ 1766 году шайка раскольниковъ рѣшилась украсть и сжечь мощи святителя Димитрія, но святитель во снѣ предупредилъ архимандрита объ этомъ замыслѣ.

Изъ ученыхъ трудовъ святителя замѣчательна его, смиренно названная имъ, „Келейная лѣтопись“, т. е. написанная для себя. Она представляетъ собой вѣратцѣ библейскую исторію, доведенную до борьбы Іакова съ ангеломъ, снабженную комментаріями и добавленіями изъ разныхъ церковныхъ писателей. Но главная задача лѣтописи нравственная: тутъ есть и миѳическія мѣста, и обличеніе современныхъ недостатковъ. Между прочимъ, въ рукописяхъ лѣтописи есть мѣсто, пропущенное въ печатныхъ изданіяхъ ея, — о церковныхъ имѣніяхъ. Повидимому, этотъ вопросъ интересовалъ

его сильно, и онъ рѣзко защищалъ ту же точку зрѣнія, за которую погибъ одинъ изъ его преемниковъ по кафедрѣ, знаменитый Арсеній Мацѣвичъ, именно полную неприкосновенность имѣній, принадлежащихъ церкви. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Хощеши ли грабити церковныя, спросися Иліодора, казначея царя Сирійскаго Селевка, иже пришелъ бѣ во Іерусалимъ ограбити церковь и биенъ бысть ангельскими руками“.

Но ярче всѣхъ дѣлъ Димитрія сіяло его проповѣдничество, прославившее его еще въ юности. Рѣдко служилъ онъ безъ того, чтобъ не сказать проповѣди. Какъ отецъ съ дѣтьми, говорилъ онъ, проповѣдуя, съ паствою. При необыкновенной силѣ и живости оборотовъ, св. Димитрій держитъ слушателя все время въ напряженіи. Не сухія догматическія отвлеченности, а чаще всего жизнь со всѣми ея проявленіями составляетъ его темы. И потому множество изъ нихъ представляютъ собою, какъ бы живые куски, выхваченные изъ той эпохи, съ ея кровью, ея жилами, и всегда будутъ ярко рисовать время св. Димитрія съ бытовой стороны. Тонъ его рѣчи не грозный, а увѣщательный, иногда переходитъ къ ироніи.

Вотъ, напримѣръ, изумительное по смѣлости замысла слово о томъ, какъ Царствіе Божіе ходитъ по землѣ, ища себѣ мѣста. Было оно въ жилищахъ знатныхъ людей. Тамъ богатство, собранное грабленіемъ, хищеніями, обидами. Пошло въ торговые ряды. Тамъ плутни, обмѣръ, обвѣсъ. Въ приказахъ, ратушахъ Царство Небесное нашло лицепріятіе, и стоитъ тамъ, плача, пророкъ Михей. Царство Небесное спросило его, отчего онъ плачетъ, а онъ отвѣчаетъ: „О лютѣ мнѣ, яко правду творящаго нѣсть въ человѣцѣхъ“. Приблизилось оно къ дому вельможи. Тамъ пируютъ, и, войдя въ палаты, Царство Небесное „видитъ ядущія, піющія, купно и снѣдающія людей Божіихъ вмѣсто хлѣба: другъ друга оуждаетъ, осуждаетъ, другъ другу зла мыслить, словеса льститъ, а сердцемъ коварничествуетъ“. А тамъ дѣло дошло и до ссоры — и Царство Небесное поспѣшно оставляетъ эти па-

латы. Встрѣчается ему царь Давидъ и спрашиваетъ, куда оно идетъ. Царство Небесное отвѣчаетъ, что въ городѣ не нашло себѣ мѣста и думаетъ поселиться между простыми людьми. Но Давидъ говоритъ, что и тамъ жизнь испортилась, и есть множество такихъ дѣлъ, о какихъ и вспомнить стыдно. знаетъ Царство Небесное, куда ему подѣваться и думаетъ: пойду въ храмъ, тамъ пребываетъ Господь, и мнѣ подобаетъ тамъ быть. Вошло Царство Небесное въ церковь. „Видитъ иныхъ дремлющихъ, иныхъ другъ со другомъ о вѣшнихъ попеченіяхъ говорящихъ, иныхъ тѣломъ токмо въ церкви стоящихъ, а умомъ не молитвѣ внимлющихъ, но невѣдомо что мечтающихъ; клирицы чтутъ и поютъ безъ вниманія. Священники со діаконы во олтари сквернословятъ, а иногда и дерутся“. И кончило Царство Небесное тѣмъ, что вселилось въ селѣ, среди безвѣстныхъ страдающихъ людей: „Подобно есть Царство Небесное сокровищу сокровенну на селѣ“.

Страстное стремленіе двинуть въ нравственномъ отношеніи слушателей своихъ впередъ: вотъ основное настроеніе проповѣдей Димитрія. Онъ скорбитъ надъ современными ему язвами — отсутствіемъ любви, братства, справедливости. Онъ унаслѣдовалъ общую черту лучшихъ своихъ предшественниковъ — проповѣдниковъ: напоминать сильнымъ и богатымъ о слабыхъ и нищихъ.

Всѣ сословія проходятъ предъ нами съ отзывомъ св. Димитрія.

Вотъ, люди высшіе съ ихъ немилосердіемъ на страшномъ судѣ. „Узрятъ господіе — рабовъ своихъ, бояре — крестьянъ своихъ, ихъ же немилосердно озлобляху. На пиру Иродовомъ ѣдятъ людей, а пьютъ кровь ихъ да слезы“.

Вотъ, архіереи: „Не того ради быти архіерею, еже величатися, еже напыщатися, сущу отъ всѣхъ почитаему, но да всѣми видами смиренія Христова образъ на себя являетъ“.

Вотъ, священники. „Священнической чинъ окрестъ престола Божія безъ страха Божія и безъ боязни стоять, чесому азъ по премногу удивляюся, паче же долготерпѣнію Божию:

милосердный Христось не казнить внезапною смертью безчинствующихъ во алтарѣ.

И еще: „Знаменіе добраго пастыря есть, еже предъ овцами, а не позади овецъ ходити въ подвижѣхъ и Богоугожденіяхъ. А что бываетъ? овца бодра, а пастырь лѣнивъ, овца постничаетъ, а пастырь на все разрѣшаетъ, овца угождаетъ Богу, а пастырь своему чреву или суетнымъ чловѣкамъ“.

Общественная несправедливость глубоко волновала душу святителя. Онъ говоритъ: „Егда богатый ясть, убогихъ труды ясть. А егда шеть, кровь людскую шеть, слезами людскими упивается. Кто честенъ—богатый! Кто безчестенъ?—убогій! Кто благороденъ—богатый! Кто худороденъ?—убогій! Кто премудръ?—богатый! Кто глупъ?—убогій! Богатый, аще бы и весьма былъ глупъ, обаче то самое, яко богатъ, умнымъ его между престонародными чловѣки творить“.

Ни предъ чѣмъ правдолюбивый святитель не склонялъ главы. Признавая пользу нѣкоторыхъ реформъ Петра, онъ рѣзко осуждаетъ то, что шло противъ дѣла Церкви.

Былъ изданъ указъ не соблюдать въ полкахъ посты. И, между прочимъ, у Соловьева упоминается, что одинъ солдатъ былъ судимъ за то, что, вопреки волѣ начальства, не желалъ нарушить поста. Это распоряженіе о постахъ возмутило Димитрія, и онъ произнесъ рѣзкое слово, о двухъ пирахъ, Иродовомъ и Христовомъ. Въ проповѣди укоряются блудники, пьяницы, подражающіе Бахусову ученику Лютеру, разрѣшающіе посты въ полкахъ.

Въ одной изъ лучшихъ своихъ проповѣдей онъ ясно намекалъ на чрезвычайную гнѣвливость Петра. Въ другой говоритъ: „Смертенъ ты быти памятствуй,— о царю, а не во вѣки живуща—днесь вси тебѣ предстоятъ, а утро самъ единъ останешься въ нѣдрѣхъ земныхъ. Днесь всѣмъ страшень, а утро мертва ты кто убоится? Днесь неприступенъ еси, а утро лежащъ во гробѣ ногами всѣхъ попираемъ будешь“.

Много горя пережилъ Димитрій въ Ростовѣ. Присланный отъ монастырскаго приказа стольникъ Воейковъ вель

себя непочтительно и докучалъ святителю. Однажды, когда святитель служилъ литургію въ соборѣ, стольникъ распорядился бить кого-то на правежѣ, Крикъ наказываемаго былъ слышенъ въ церкви. Святитель приказалъ, чтобъ истязаніе прекратили. Стольникъ отказалъ. Святитель тогда, прервавъ службу, ушелъ въ свое село Демьяны.

И эти непріятности, и оскудѣніе митрополичьяго дома, доходившее до того, что митрополиту нечего было дать просящимъ, все увеличивалось. Разъ онъ пишетъ другу своему, Стефану Яворскому: „Толико беззаконій, толико обидь, толико притѣсненій вопіють на небо, и возбуждаютъ гнѣвъ и отомщеніе Божіе“.

Скорбный духомъ, но твердый и неослабный въ дѣлахъ своихъ, жилъ святитель въ неподходящемъ для него суровомъ и сыромъ климатѣ Ростова. Нестяжательный, любилъ онъ одни сокровища: книги, которыхъ у него было до 300 томовъ, и эту бібліотеку онъ пополнялъ иностранными изданіями, выписывая ихъ чрезъ главную тогдашнюю артерію, по которой шли сношенія торговыя съ Европой — Архангельскъ. Можно думать, что, въ послѣднее время онъ и отъ этого утѣшенія долженъ былъ отказаться: оскудѣніе дома митрополичьяго дошло до послѣдней крайности. Незадолго до конца, въ 1708 г. онъ пишетъ Юву Новгородскому, пришедшему ему польбочки рыбы: „Не имамъ чѣмъ воздать, убогъ сый. Молю богатаго въ милости Христа, да Онъ воздастъ“. Покои святителя были украшены портретами отца его, Саввы Тупталы, духовныхъ благодѣтелей его, первыхъ замѣтившихъ его геній, архіепископа Лазаря Барановича и митрополита Варлаама Ясинскаго, глобусами—земнымъ и небеснымъ.

На видъ святитель былъ бѣлокурый, съ просѣдью, худой человѣкъ, небольшого роста, сгорбленный, съ маленькой клинообразной бородкой, въ очкахъ. Ходилъ онъ обыкновенно въ шерстяной ряскѣ любимаго имъ темнозеленаго цвѣта.

Чувствуя угасаніе силъ, одного онъ жалѣлъ, что его лѣтопись келейная останется недоконченною. Нельзя безъ

душевнаго волненія читать неоднократноъ сѣтованій святи- теля-литератора, видящаго неоконченнымъ за смертю своей любимое дѣтище, плодъ трудовъ многихъ и искренняго вдох- новенія.

Трудится онъ до конца, не слабѣя духомъ, при тѣлес- номъ изнеможеніи, при внѣшнихъ испытаніяхъ. „Воля Го- сподня да будетъ. Мы же своему внимаемъ дѣлу и посреди обуреванія надежды спасенія не теряемъ“.

Онъ умножаетъ аскетическіе свои подвиги. Часто по три часа онъ лежитъ неподвижно, распростершись крестомъ, или на дачѣ своей, въ селѣ Демьянахъ, выставляетъ свое тѣло комарамъ и мошкамъ. Это вольное страданіе нужно было душѣ его, и онъ выписываетъ себѣ мѣсто изъ бесѣдъ Ма- карія Египетскаго: „Овые, имѣющіе благодать, о себѣ точію попеченіе имѣють, *hi sunt* (это) отшельники, пустынники. Иныя же инѣхъ души пользовати тщатся, сія онѣхъ много превышаютъ; *hi sunt* святители, учителя, проповѣдники Бо- жія слова. Иныя же вдаша тѣлеса своя въ досады и стра- данія. Сія высшіе всѣхъ суть“.

Думая о смерти, быть-можетъ, призывая ее, какъ изба- вительницу отъ золь, святитель посылаетъ родовую икону Богоматери въ Троицкую церковь Кіевскаго Кирилловскаго монастыря, для постановки надъ гробомъ отца и пишетъ ду- ховное завѣщаніе, которое трудно читать безъ волненія. Святи- тель проситъ не искать послѣ него стяжанія, не выпытывать денегъ отъ служащихъ ему. „Отъ юности и до приближенія моего ко гробу, не стяжевалъ имѣнія, кромѣ книгъ святыхъ. Не собиралъ во архіерействѣ сый келейныхъ приходовъ (т. е. доходовъ), яже не многи бяху. Но ово на мои потребности иждивахъ, ово же на нужды нуждныхъ. Вѣрую бо, яко пріятнѣе Богу будетъ, аще не едина цага по мнѣ не оста- нетъ, неже егда бы многое собраніе было раздаваемо. Если никто не восхощетъ меня тако нища обычному предати погребенію, то пусть бросятъ въ убогій домъ. Если же по обычаю будутъ погребать, пусть схоронятъ въ углу церкви монастыря св. Іакова, идѣже мѣсто назнаменованъ. Изволяй

же безденежно помянути грѣшную мою душу въ молитвахъ своихъ Бога ради, таковой самъ да помяновень будетъ во Царствіи Небесномъ. Требуяй же за поминовеніе мзды, молю, да не помянетъ мя нища, ничто же на поминовеніе оставивша. Богъ же да будетъ всѣмъ милостивъ, и мнѣ грѣшному во вѣки аминь“.

До послѣднихъ дней жизни перо не выпадало изъ слабѣющихъ рукъ святителя. За нѣсколько почти часовъ до конца онъ пишетъ другу—монаху: „До чего не примусь, все изъ рукъ падеть. Дни мнѣ стали темны. Очи мало видятъ. Въ ночи свѣтъ свѣщный мало способствуетъ“.

Вечеромъ предъ ночью, въ которую онъ почилъ, онъ велѣлъ позвать пѣвчихъ. Сидя у натопленной печки, онъ слушалъ пѣніе составленныхъ имъ кантатъ: „Иисусе мой Прелюбезный, надежду мою въ Бозѣ полагаю, Ты мой Богъ Иисусе, Ты моя радость“. Отпустивъ всѣхъ, онъ удержалъ только любимаго своего пѣвчаго и „усерднѣйшаго въ трудахъ ему помощника“ Савву Яковлева, который былъ переписчикомъ его сочиненій.

Въ эти послѣдніе часы жизни мысль святителя обращалась къ его прошлому. Ему вспомнилась учебная пора, и первые проповѣдническіе успѣхи, и великій трудъ Четвертиней, и безмятежное дѣтство среди старыхъ тополей и вишневыхъ садовъ привольной Украйны. И онъ разсказалъ своему вѣрному помощнику о своей юности, о своихъ молитвахъ и прибавилъ: „и вы, дѣти, такожде молитесь“.

Окончивъ бесѣду святитель сказалъ: „Время и тебѣ, чадо, отбыти въ домъ твой“. Благословивъ мальчика, святитель поклонился ему почти до земли, благодаря за помощь въ перепискѣ его сочиненій.

Тотъ смутился и заплакалъ, а святитель еще разъ кротко повторилъ: „Благодарю тя, чадо“.

Пѣвчій ушелъ. Это послѣдній человѣкъ, видѣвшій святителя живымъ.

Св. Димитрій вошелъ въ особую келью, бывшую у него для молитвы, и тамъ на слѣдующее утро 28 октября 1709

года былъ найденъ бездыханнымъ. Онъ почилъ во время молитвы, стоя на колѣняхъ. Ему шелъ 59-й годъ.

Денегъ послѣ него не осталось. По завѣщанію его, въ гробъ вмѣсто стружекъ положены были черновыя его рукописи. Около мѣсяца тѣло его оставалось непогребеннымъ до прибытія Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго. Священные дружбой, они дали другъ другу слово, чтобы тотъ, кто умретъ раньше, былъ погребенъ другимъ.

Мы подробнѣе остановились на жизни святителя Димитрія, потому что видимъ въ немъ самую свѣтлую личность въ церковномъ мірѣ XVIII вѣка.

Въ вѣкъ этихъ реформъ, иногда глубоко антинаціональныхъ и противоцерковныхъ, этотъ великій человекъ показалъ, какъ можно быть просвѣщеннѣйшимъ и передовымъ дѣятелемъ, не измѣняя прошлому своего народа и оставаясь безусловно вѣрнымъ православно русскому настроенію.

Кромѣ такого значенія историческаго примѣра, святитель Димитрій не можетъ не вызвать восторга какъ дѣятель литературный.

Все то, что цѣнно въ писателѣ: вѣрность своимъ убѣжденіямъ, горячность ихъ, безусловная искренность и правдивость, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся, глубокая человѣчность и страстное желаніе добра ближнему, грѣющее сочувствіе всякому жизненному страданію и вѣра въ то, что жизнь можетъ стать свѣтлѣе, теплѣе и лучше — какъ внутрення достоинства души писателя; затѣмъ блестящее образованіе, живость, ясность изложенія, картинность, выпуклость образовъ, новизна и оригинальность оборотовъ, чрезвычайная сила слова—какъ внѣшнее достоинство его твореній: все это отводитъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди вообще лицъ, послужившихъ перомъ Россіи, лицъ, перомъ которыхъ говорила ихъ чуткая и великая, много возлюбившая родной народъ, душа.

Какъ нравственная личность, какъ примѣръ личнаго подвижничества, онъ тоже является яркимъ свѣтиломъ своего вѣка, ударившагося въ матеріализмъ и прозу, тогда какъ онъ былъ и духомъ, и жизнью идеалистъ и поэтъ.

Что-то трогательное, дѣтское есть и во многихъ обстоятельствахъ его жизни, напримѣръ, въ предсмертномъ вечерѣ, и въ его вѣрѣ, и въ незлобивой ироніи его.

Наконецъ, невольное сочувствіе къ нему возбуждаетъ и тотъ ореолъ глубокаго мученія, который въ послѣдніе годы сіяетъ надъ его головой, мученія, которое запечатлѣлось даже въ сохранившихся до насъ его изображеніяхъ, и которое дѣлаетъ его невинною жертвою историческихъ ошибокъ и недоразумѣній.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru